
Александр ПОНОМАРЕВ

РАССКАЗЫ

ГЛУПЫЙ СКВОРЕЦ

Возвращаясь с работы, я по сложившейся за лето доброй традиции отыскивал свободную лавочку, одну из тех, что стояли в сквере на берегу пруда, спрятавшегося от глаз праздных горожан за фалангами высокого рогоза, и, блаженно на ней развалившись, вытряхнул из пачки последнюю сигарету.

Теперь можно перевести дух, пометчать, укрывшись в тени ветвей старых каштанов от назойливых лучей слабеющего, но все пока еще не слишком любезного августовского солнца. Несмотря на сложный рабочий день, на душе у меня было тихо и благостно. Не в последнюю очередь потому, что сегодня вечером мне предстояло мероприятие, наполненное пивом, криветками и добрыми воспоминаниями.

Мой мечтательный покой нарушила шустрая стайка скворцов, сновавших по местам жухлой, выбритой чуть ли не до корней траве, в поисках чем бы таким себя побаловать. От их мельтешения, словно от ряби на воде, ломило в глазах.

Среди этой беспокойной группки выделялся один рослый и надменный птах, единственный, пожалуй, кто не принимал участия в этой всеобщей толкотне.

Он, словно на троне, восседал на мятой сигаретной пачке с изображенными на ней коронами и, высокомерно глаза по сторонам, мерзко орал. Рядом с ним, смешно подпрыгивая на своих тонких лапках, суетилась парочка пернатых помельче. Те, едва слышав его требовательный ор, со всех лап прыгали к пачке, где вручали здоровяку свою добычу — то гусеницу, то жука, то бабочку, с поклоном вкладывая дань в его широко развернутый клюв.

«Странно, — подумал я, — вокруг самого бездельника столько всякой снеди, только клювом успевай щелкать, а он даже смотреть на нее не желает, обратив все свое внимание на добытчиков. С другой стороны, зачем ему утруждаться, если рядом есть тот, кто сделает это за него. Тем более холопы и сами не против спину гнуть. Интересно, почему? Неужели только потому, что тот намного больше и сильнее? Да, наверное, так и оно есть, этот напыщенный птах — их птичий король».

Однако, присмотревшись повнимательней, я понял, что странный скворец — это всего лишь птенец-первогодок. Старше и больше своих соплеменников он выглядел исключительно за счет несошедшего младенческого подпушка, который украшал его грудь и голову, а та пара пичуг, что доставляла ему еду, судя по всему, его глубоко несчастные родители.

«Какие же все-таки глупые создания — эти скворцы, — продолжил рассуждать я. — Были бы не дураки, давно б уже дали пинка своему бессовестному отпрыску, отправив его в свободный полет. На крыле стоит, на скворчих вовсю, наверное, пялится. Что еще надо? Пора бы и честь знать. Сам должен теперь о себе заботиться, а по-хороше-

Александр Сергеевич Пономарев родился в 1970 году в Москве. Образование высшее техническое. Публиковался в журналах «Бельские просторы», «Нева», «Нижний Новгород». Живет в Москве.

му, и о родителях еще иногда вспоминать. Вместо того он, видишь ли, сидит тут, распушившись, со спесью во взоре и орет благим матом. А эти слюнтяи бесхребетные, размазни юродивые посадили себе паразита на шею и тащат свой багаж как ценный груз».

Около меня топтался один из родичей «кронпринца», судя по его затравленному, измученному виду — папаша.

— Дурак ты, скворец, — начал отчитывать его я, — пользуют тебя в пух и перья, а ты и рад стараться. Ты, дурень, собой давай занимайся лучше, а то вон дошел как уже...

Может быть я бы ему еще чего-нибудь такое сказал, более веское, но тут во внутреннем кармане у меня звякнуло и затрепетало.

На моем телефоне определился номер дочери. Я сначала было не поверил своим глазам и даже протер экран. Даже не знаю, что бы заставило ее саму мне набрать, что-нибудь сверхъестественное только. Чудо? Но Рождество ведь еще не скоро. Ну, даже не знаю тогда. С тех пор как она вышла замуж и стала жить отдельно (мы с новой родней благоразумно скинулись молодым на новостройку), у нас с ней хоть и установились ровные дипломатические отношения, но секретная душевная ниточка, связывавшая дочь со отцом, если и не оборвалась, то затерялась среди множества новых ее связей. Не зря ж люди говорят: выданная дочь — отрезанный ломоть.

— Впрочем, это еще как посмотреть, — ударил себя по лбу я и громко рассмеялся.

Рассмеялся потому, что неожиданно понял наиболее вероятную причину ее звонка. Жена второй день в отъезде (а из нас двоих она по большей части кружилась вокруг молодых, создавая им, по ее мнению, необходимые условия), но я-то ведь остался. Так что, если хорошо разобраться, ничего удивительного не произошло. В тот момент как самолет с Любашей оторвался от ВПП Шереметьева и понес ее к родственникам в Клайпеду, отметка «Бюро добрых услуг» в телефоне дочери естественным образом перекочевала на мой номер.

— У тебя сегодня, случаем, нет планов на вечер, па? — без прелюдий уточнила она, превратив мое предположение о «Бюро услуг» из вероятного в гарантированное.

— Были бы, вообще-то, — неуверенно начал я, интуитивно поставив глагол «есть, конечно» в условное наклонение, — с дядей Игорьком в кои-то веки договорились бы вокруг пары-тройки бутылочек пива организовать, посудачить по-стариковски.

— А-а-а, понятно. С Машкой будешь дежурить в таком случае. К семи, значит. Не опаздывай.

— К семи? — упав духом, переспросил я, непонятно на что рассчитывая. — А сама-то куда собралась, если не секрет?

— Сначала на шейпинг сгоняю, а потом к Маринке, отмечать ее расставание с неудачником Эдиком. Давно ей надо было решиться уже. А-то самому тридцать скоро, на погонах же — не пойми что, треугольник какой-то маленький.

— Треугольник?

— Созвездие такое в Северном полушарии.

— Вот оно как? Ну тогда да, это, конечно, причина.

Не оставляя надежду встретиться с Игорьком, я вернул разговор в нужное русло.

— Слушай, а Дмитрий твой, спрашивается, на кой? Неужели так занят, что с собственной дочерью вечерок посидеть не в состоянии?

— За-анят? И ты еще спрашиваешь? Димочка с прошлого вечера как заперся в своей комнате, так даже пописать не выходил, настолько он занят. Премьерную игрушку с пацанами тестирует по сети, да будет тебе известно. Какая-то битва там с танками у них. Сама не пробовала, но, наверное, что-то жутко интересное. Ну так ты придешь или как?

— Приду, конечно, куда ж я денусь, — обреченно сказал я, не удержавшись при этом от удовольствия съязвить: — Мне ж единственному из нас из всех делать нечего.

Но дочь не поняла намек или, что скорее всего, согласилась с моим утверждением.

— Вот и ладненько, — затарахтела она. — С внучкой со своей попестуешься, а заодно и пропылесосишь, в ванне кран тоже течет. На ужин Машке, значит, пудинг с курагой подашь, ее любимый. Запомнил? Только вот в холодильнике, извини, «Мамай прошелся». Поэтому сначала заскочи в «Пятерку», закупись по полной. И пива, пива Димке взять не забудь, шесть бутылок. Но только пшеничное, он немецкое только пьет. У тебя деньги-то хоть есть вообще?

— Есть, конечно... так что ты, дочь, в голову не бери, сам разберись...

— Это очень хорошо, что есть, — обрадовалась она, — будет из чего нам подкинуть. А-то у Димули на «ленд-крузере» лобовуха треснула, представляешь, на щебенке, дурень, на спор разогнался, а его родичи — паразиты, со своим месячным взносом не торопятся. Только прошу тебя, давай не так, как в прошлый раз.

— А что было в прошлый раз не так, интересно?

— Забыл разве, сколько ты оставил Димочке на новую резину?

— Тысяч сорок вроде.

— Хочешь сказать, что ты не в курсе сколько стоит поменять резину на «крузаке»? — В голосе дочери слышалась обида то ли на меня, то ли на порядок цен на летнюю резину.

— Не знаю, детка. Знаю только, сколько стоит поменять ее на моей старушке «реношке». Из этих соображений, собственно, и исходил.

— И на нашей примерно столько же, но только в три раза больше. Дима, к слову, был тобой сильно недоволен.

Я аж присвистнул от удивления.

— Дима? Недоволен? А твой муж не думал, что ему можно было бы самому, например, попробовать поработать? — с осторожным сарказмом спросил я. — Четверть века как-никак за плечами уже. И самому заработать себе на жизнь ровно столько, сколько необходимо ему для полного удовлетворения.

— Ты это серьезно сейчас, па, да? — грудью бросилась защищать честь мужа дочь. — Пять дней в неделю, по восемь часов заниматься не пойми чем? И это, не считая дороги. Работа унижает человека, превращает в раба, низводит до состояния тяглового скота. Неужели так трудно понять?

— Да ну? А поднимает с колен что тогда?

— Как что? — удивилась она моей беспробудной тупости. — Самореализация, стремление к прекрасному, личностный рост, да много чего. И вообще, чтоб ты знал, жизнь дается человеку один раз всего...

— И надо ее прожить так, чтобы не было потом больно... — машинально пробормотал я, вспомнив одну крылатую фразу, прилетевшую откуда-то очень издалека, из моей бурной комсомольской молодости, наверное.

— За что? — не поняла дочь.

— ...За бесцельно прожитые годы, разумеется.

— Вот именно. Чтобы больно не было. А работают пусть всякие лохи и бездельники, которым заняться больше нечем...

Однако. Мое неудовольствие вернулась ко мне от дочери с процентами.

«Интересно, я лох или бездельник в ее понимании?» — мелькнула у меня шальная мысль. Но уточнять я не стал.

Да и поздно было разбираться, потому что дочь, решив, очевидно, что сказала мне все самое важное, не прощаясь, покинула эфир.

И тут я почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд.

Обернувшись, я увидел скворца-папашу, который, держа в клюве большую бабочку-шоколадницу, с интересом наблюдал за моим разговором.

Скворец, как мне показалось, смотрел на меня с пониманием и где-то даже с сочувствием.

Мне вдруг стало стыдно, что каких-то пять минут назад я был не самого высокого мнения насчет его умственных способностей.

— Куда деваться, — сказал я ему, смущенно поправляя галстук. — Родительский инстинкт является одной из наиболее мощных врожденных программ у разумных биологических существ. Так-то вот, старик. И еще. Ты это... забудь все, что я тут тебе наговорил недавно. Ладно?

Скворец печально кивнул и поспешил к своему прожорливому и нахальному чаду.

А я к своему...

ЦЕННЫЙ СЕРВИЗ

Самое приемлемое дело, скажу вам, особенно в летний жаркий и удушливый день, особенно если ваша жена почти уже неделю в командировке, в особенности когда холодильник исполняет траурный марш Шопена, — взять в охапку дочь и кота и рвануть с ними на выходные в деревню к родителям. На полный, так сказать, пансион. Полный пансион — это, если кто не знает, такой режим пребывания индивида на местности, когда ему для начала бывает нелишним поесть и поспать, затем еще чуть-чуть поесть и немножко поспать, после чего уже можно начинать есть и спать, не отвлекаясь теперь ни на что. Причем делать это дозволительно с чистой совестью, не предлагая никому ничего взамен. Жизненный опыт, впрочем, подсказывает мне, что найти такое волшебное времяпрепровождение вряд ли где возможно, кроме как в утробе у собственной матери. Или на худой конец на даче у родителей, что практически одно и то же. Там также укороженного слова на твою праздность не скажут и презрительно-осуждающим взглядом не наградят.

Бог мой, а сны-то в отчем доме какие! Словно сошедшие с полотна Дали. Художественные сновидения транслируются в твое подсознание не абы как, а будучи исключительно навеянными полетом пчелы вокруг граната или в крайнем случае кружением мухи вокруг холодца. Тигры, пчелы, фрукты, облака какие-то, меха, вата, женщины всякие. Красота!

Разве только вместо ружья почему-то отцовский триммер все больше привидеться норовит, а вместо граната — ватрушки.

Не знаю, сколь долго проспал я так вчера после сытного обеда, но, продрвав глаза, вдруг обнаруживаю, что солнце не без ехидства смотрит на меня из правого угла левого окна мансарды, а это, по всей видимости, означает, что на улице уже где-то шесть вечера или около того.

А сие, в свою очередь, означает, что скоро подадут ужин, что, в свою очередь, не может искренне не радовать. Остается только выяснить, почему до сих пор не пахнет маменькиными ватрушками и отчего уже давно не слышно отцовского триммера.

Не успел я сформулировать свои предположения на данный счет, как в мой уютный альков без стука врывается всклокоченная дочь, глаза круглые, лицо белое, и с порога пытается что-то до меня донести.

— Ба-бу-шка... — произносит она, после чего начинает задыхаться.

— Что бабушка?

Дочь, тараща глаза, молчит, набирая побольше воздуха в легкие.

— Что там с бабушкой? — начинаю уже волноваться я. — С лестницы упала, на гвоздь наступила, коза боднула?

— Де-ду-шка...

— Дедушка боднул?

— Да нет же, — возмущается дочь, удивляясь моей недалекости, — никто никого не бодал.

— Тогда что?

Наконец дочь усилием воли собирает все силы в район грудной клетки и выдыхает:

— Разводятся. Он ей грядку с рудбекией перекопал и чеснок на ней вместо посадил.

— Что ты говоришь? — со вздохом облегчения качаю головой я. — Да-а... огород — это место силы, деликатное и зыбкое, как минное поле, ошибаться там, в общем, чревато. Попал, по всей видимости, твой дед, крепко влип. Кстати, развод — это еще по-божески. Мог бы и граблями про хребтине-то по старой отхватить.

— А когда мы теперь есть будем, если у них тут сплошной развод? — хнычет дочь, наступая мне тем самым на самую большую мозоль. — Скоро шесть часов, если ты не в курсе. А обедали-то в двена-адцать еще.

— Судя по всему, не вот-вот. Давай-ка мы лучше с тобой пока партийку в шахматы сгоняем. Расставляй. Чур, я белые.

Через полчаса, чувствуя, что лечу своей дочери, как гаванский портовый грузчик Капабланке, я откладываю доску в сторону и делаю вид, что есть дела и поважнее.

— Ну-ка сбегай давай, посмотри, как они там. Развелись уже? А то действительно жрать что-то хочется.

— Дом делят, — отвечает дочь, вернувшись через минуту.

— Плохо. Это значит, что закончат они не скоро еще.

— Что значит не скоро? Я есть хочу.

— Скушай покуда яблочко.

Минут через десять дочь опять докладывает:

— Машину делят.

— А вот это уже получше. Хотя все равно долго еще. Ты мне знаешь что? Ты на-помни мне, когда они фамильный сервиз дербанить начнут. Не забудь.

Около восьми заходит дочь с докладом.

— Достали с полки коробку с чайным сервизом и разложили все на столе.

— Ну наконец-то, — удовлетворенно тру руки я. — Кажется дело близится к кульминации. А значит, не за горами и развязка. Впрочем, я должен сам на все посмотреть, своими глазами убедиться.

Не доходя до гостиной, я для начала встаю у лестничного пролета так, чтобы меня не было видно, а мне, наоборот открывалось буквально все. Потом, приоткрыв на полпальца дверь, начинаю осторожно наблюдать, как мои несчастные родители перебирают за столом чашки с блюдами, чайники, розетки и тому подобную чепухистику.

Скоро до меня доносится полный возмущения голос матери.

— И ты требуешь, чтобы я вот так взяла этот сервиз и отдала тебе за здорово живешь?

— А-то как же, — бескомпромиссно гудит отец и подвигает коробку поближе к себе.

— Интересно, и с чего бы это я должна?

— С того, что я главное право на него имею, он на мою зарплату был куплен. Как сейчас помню, первую получку всю отнес за него без малости. Это в тот год еще, когда мы с тобой в гарнизоне жили, под Читой. Помнишь? Сразу же после училища. Хотел таким образом тебе уют создать, заразе, чтобы ты дискомфорта вдали от цивилизации не ощущала. Мне тогда еще офицеры вокруг завидовали. Жена, говорили, у тебя настоящая декабристка. Совсем еще девчонка, а надо же, такая преданность. Подвижница. И впрямь. Никто почти из жен тамошнего комсостава в ту глухомань носу не су-нул. А ты сорвалась. Завидовали все.

— Дура была потому что.

— Ах так, значит!

На лице у отца отражаются разочарование и обида.

— А я вот не дурак. Поэтому как хочешь, а сервиз мой!

Отец придвигает коробку почти совсем уже к своему краю стола.

— Да ну-у... Типа... чтобы я тебе, ироду, вот эту чашечку отдала?

Мать с умилением гладит извлеченный из коробки фарфор, на котором присутствует чеканная позолотой надпись — «1980».

— Ишь чего удумал. Эту гравировку мы сделали, когда Алешенька родился. Я очень рожала еще тяжело. Помнишь? А ты всю ночь во дворе под дождем так и простоял столбом. Вовнутрь ведь не пускали. Карантин. Утром я, улучив момент, подковыляла к окну с Алешкой, а ты там, дурачок, стоишь прикрывшись газетой, и дрожишь, втянув голову в плечи. Мо-окрый.

— А-то как же? Должен ведь был я убедиться, что пацан на меня похож, а не на замкомбата по тылу, — смущенно оправдывается отец.

— А вот эта вещь не из начального сервиза, — мать, достав из коробки еще одну чашку, вдруг начинает хмуриться. Высокий ее лоб, обрамленный едва начинающей сесть прядью, прошивает дополнительная глубокая морщина.

— Мы ее после докупили. Похожа, конечно, на настоящую, но если приглядеться, то не совсем. Ту же, оригинальную, я, солоха, разбила в девяносто пятом еще. Из рук выскользнула, когда сообщили, что тебя в Гудермесе под обстрелом накрыло.

— Было дело, — кричит отец, потирая плечо. — Я просто на койке от неожиданности подпрыгнул, когда ты на следующий день в Моздоке в палату ко мне, словно фурия, влетела. Режимный объект, и как ведь пустили только...

— А я и не спрашивала...

— Да уж, в этом ты вся. Никто тебе не указ.

Взгляд отца теплеет.

— А вот из данной емкости ты меня отпаивала потом отварами: ромашка, чабрец. Помнишь? — Он бережно достает из коробки фарфоровый чайник с облезлым носиком. — От пневмонии лечила. У меня после пробитой легкой пневмонии пошли одна ж за одной. А ты травы сама собирала, сушила. В аптечных, говорила, польза не та. Веник, говорила, он и есть веник. Кстати, а что это тут за мусор в сахарнице лежит, давно хочу тебя спросить? — интересуется он, открыв крышку с очередного предмета столового гарнитура. — Трава какая-то.

Отец с опаской нюхает содержимое.

— Махра, что ли? Вроде не похоже. У той запах ядреный.

— Убери свои лапищи, — сделав строгое лицо, мать выхватывает предмет посуды из отцовских рук. — Роза это. Лепестки. Помнишь, на хрустальную свадьбу ты нам всю спальню розовыми лепестками выстлал? Это, значит, они. Я тогда подумала, не выкидывать же. Вот и сохранила себе чуток. А то когда еще от тебя-солдафона дождешься. Мне эта сахарница как родня с тех пор.

На какое-то время в воздухе устанавливается молчание. Слышно только биение мухи об окно и шуршание мыши под холодильником.

— Ну и как... как, отец, скажи, мы с тобой разводиться-то будем, раз сервиз у нас один на двоих и к тому же неделимый такой? — не выдерживает паузы мать. — Если он дороже души нам обоим?

— Да уж, — тянется за папиросами отец, — ничего не скажешь. Проблема.

— Ну что ж, пусть все будет так, как оно есть, — обреченно машет рукой родительница и смахивает украдкой что-то с краешка глаза. — Делать нечего. Перестаем разводиться.

— Согласен, некуда деваться. Придется и дальше жить мне с тобой, с извергиней, — отец облегченно кивает и, понюхав, засовывает папиросу обратно в пачку. — Но по крайней мере, сейчас я уже понимаю хоть из-за чего страдать приходится.

— Это верно. Что не сделаешь ради такой ценной вещи. Жизнь положишь за нее. Даже с таким охламоном-вредителем, как ты.

«Бинго! — еле удерживаюсь я, чтобы не захлопать в ладоши. — Свершилось!»

И, чуть дыша, прикрываю дверь, после чего, осторожно ступая, пячусь в сторону кухни.

«Ну вот почему, почему им было сразу с сервиза не начать? — жму плечами я. — Столько времени потеряли зря. Эх, да ладно. Главное, что нам с дочурой надо теперь, на всякий случай, держаться поближе к пищеблоку, ибо, по всей видимости, в этом доме скоро подадут ужин».

Через пять минут мы вчетвером уже дружно и весело перекусываем медовыми вагтрушками, осторожно запивая их из чашек невероятно ценного сервиза, по причине которого мои родители, наверное, лет двадцать, как не могут развестись...

ИВАН ИВАНЫЧ

По рассказам очевидцев, это судьбоносное ненастье разразилось над деревней Лукашкино точно в полдень. Грозовое облако, крадучись, перевалило через пик Либеровой горы и с лету яростно атаковало подножие ее южного склона, на котором стоял дом бывшего старшего егеря местного охотхозяйства Петра Серикова.

Хоть грозы это и заурадное явление для бывалой местной публики, но таких мощных природных беснований даже не все старожилы, наверное, смогли б припомнить.

Оттягивалась гроза на Лукашкино в тот день так, словно это был ее последний и решительный бой, а позади у нее стояла Москва. Вокруг все стонало и содрогалось, языки небесного пламени плясали по черепице крыш, как сумасшедшие, носились по линиям передач и терялись в кронах вековых лип.

В результате усилиями стихии были повалены две кряжистые ветлы, сгорел старый уличный туалет (удачно еще, что там никто не отсиживался), в пожарном пруду всплыли вверх брюхом караси, а посреди огорода самого Серикова, куда пришелся последний разряд, прямо на глазах изумленных селян забил настоящий ключ. Сначала послышалось усиливающееся гудение, потом земля вздрогнула, и на свет вырвался искрящийся поток. Родник, яростно шипя, выбросил в небо вертикальную прозрачную холодную струю вперемешку с комьями глины и клубнями молодой картошки и к тому же сделал это с такой мощью, словно вызвавшая его молния не просто в землю ушла, а перебила там трубу центрального водоснабжения. Неистовствовал, впрочем, фонтан недолго, минут пять каких-то, но и того с лихвой хватило, чтобы над домом Серикова вспыхнула локальная, метров эдак на пятьдесят, радуга, а его огород стал напоминать рисовую плантацию. Наконец, выпустив пар, родник выдохся, присмирел и, удовлетворенно бурча, понес свои воды вдоль по Сериковым владениям, сначала куда-то вниз в овраги, затем в притоки, потом в матушку-Волгу и, наконец, в Каспийское море.

Так в Лукашкине появился свой родник. Стоит отметить, что в народе подобные грозовые источники во все времена почитались чуть ли не святыми, наряду с ключами, зарождающимися в тех местах, куда стихия (а лихой порой и воинствующая безбожная сила) роняла со звонниц церковные колокола. Этот родник тоже не стал исключением. Молва его быстро окрестила святым. При этом величали его лукашкинцы не как-нибудь характерно для такого природного явления, как подземный ключ — ну скажем — Прохладный, Гремячий или Веселый, а одушевленно-почтительно — Иван Иваныч или если дело происходило среди своих, то по-простецки — Иваныч. Почему именно Иван, да еще Иваныч, а не, к примеру, Сидор Петрович или Степан

Кузьмич, достоверного и логичного объяснения у лукашкинцев не нашлось: «Иван, говоришь, откуда взялся? — задумчиво тербил свой нос опрашиваемый абориген. — Ну так как же иначе-то. Иван он потому... потому-у, что... это как его... Да потому, что он Иваныч же...»

А Иванычем, исходя из этой логики, его прозвали, потому, что он Иван, надо полагать. Вопросы есть? Вопросов нет.

Дядя Петя Сериков, на чьей территории произошло данное событие, не был особо верующим, но традиции народные знал и чтит. При виде водоема, явленного ему силами небесными прямехонько между грядкой с «Синеглазкой» и кустом черной смородины, он сначала осенил себя крестным знаменем, после чего сказал: «Вот так дела-а, ешкин кот! Ну хоть с поливом теперь проблем не будет» — и, поермолив загылок, отправился за шанцевым инструментом. Вернувшись, дядя Петя первым делом углубил воронку, потом выстлал водоприемную камеру источника крупным галечником, а следом прокопал русло для водоотвода. Разошедшись, он воткнул возле отверстия, откуда бил ключ, куст молодой акации и вкопал скамейку. А у дороги, напротив своего дома, после недолгого раздумья водрузил указатель «Источник здесь».

Вскоре за живой водой к дяде Пете стали ходить не только из самого Лукашкина, но и из окрестных деревень, даже из райцентра порой навевывались, в том числе и местное высокое начальство.

Привлекала людей не только захватывающая история обретения родника, но и отменное качество продукта. Ведь ни для кого из местных не секрет, что окрест Лукашкина повсеместно, что в прудах, что в колодцах, что в водопроводах, вода испокон века была с известковым налетом. Впрочем, оно и понятно, потому как весь Лукашкинский район лежит на одном большом месторождении известняка. Все уже привыкли к тому, что вода в кранах течет исключительно мутноватая, словно дешевый самогон от бабки Матрены, и в высшей степени минеральная, как настоящий боржом по шестьдесят рэ за ноль пять. Привык народ также к тому, что фильтры ни у кого с этой напастью не справляются, что бойлеры из-за непреходящей накипи то и дело горят, а перед употреблением водицу всякий раз отстаивать приходится, чтобы почки в целостности соблюсти. Содержимое же Ивана Иваныча оказалось настолько идеальным, что даже районная СЭС на этот счет развела руками и вывела в своем заключении: «Мистика какая-то».

— Ах, вкусная-то какая, а прозрачная-то, словно роса утренняя, — нахваливал водичку народ, — слеза.

Дядя Петя стал ходить к себе на родник, как на работу. Там он каждый раз старательно очищал русло от листьев и прочей попавшей в водород шелухи, убирал с прилегающей территории бычки и пробки, а при необходимости укреплял стенки водоприемника кусками доломита.

И Иван Иваныч сторицей благодарил дядю Петю и его земляков за такую заботу.

Студеная вода родника не только исправно утоляла жажду селян, но и помогала порой, как искренне верили люди, в житейских трудностях, особенно во всяких недугах, телесных и духовных. Так баба Маша, например, избавилась от геморроя, а дядя Миша, ее супруг, забыл, где у него лежат очки, причем отнюдь не по причине своего давнего друга — склероза. А после того, как он по убедительной рекомендации бабы Маши принялся разбавлять Иванычем, один к трем, свой самогон (где одной частью была вода, разумеется), то и сам склероз про него забыл. Иван Иваныч, как оказалось, одинаково охотно помогал при паротите, подагре, заикании, при поступлении в строительный техникум и даже, по слухам, способствовал зачатию. Так, одно время к дяде Пете на огород косяком потянулись желающие благополучно продолжить

свой род. И что самое удивительное, в том же году во всем районе был зафиксирован настоящий беби-бум. Хотя некоторые скептики и поговаривали, что во всплеске рождаемости виноват не столько сам Иван Иваныч, сколько густые заросли разросшейся над ним акации, а также просто феромоноподобный запах дяди-Петиных флоксов с гладиолусами, только им все равно никто не верил.

Но вот прошло время, и пришла беда: не стало дяди Пети. Сколько его ни отпаивали Иванычем, сколько ни натирали ему грудь родниковой глиной — все тщетно. Мирно отошел раб Божий Петр в места горние под зимнюю вьюгу. Час его пробил, видно. Но с другой стороны, до девяноста ведь с лишком дожил. Кто знает, вполне может быть, благодаря своей водичке и дотянул. А водица у Ивана Иваныча, как говорили, в тот печальный день солоновата была и горька. Как слеза.

Так что в начале того скорбного года у дяди-Петино дома появился новый хозяин. В права наследования вступил его любимый баловень — внук Василий.

В отличие от деда, внук его был человеком по-городски эрудированным и весьма набожным. Особенно это бросалось в глаза при виде украшавшей его грудь массивной цепи, на которой болтался ниспадающий аж на пузо наперсный крест, что по размерам не уступал архиерейскому. А еще внук очень хорошо знал Священное Писание и при случае не отказывал себе в удовольствии блеснуть цитаткой, что автоматически вызвало к нему глубокие симпатии местного батюшки отца Митрофана. Немудрено, что Иван Иваныч скоро привлек внимание нового благочестивого хозяина. Впрочем, обойти источник вниманием в сложившихся обстоятельствах было бы для Василия делом затруднительным, ибо к Сериковым, как всегда, не зарастала народная тропа. Высунув свой обильный торс из дедова окна, внук, криво усмехаясь в усы, наблюдал, как с утренних петухов до уханья сов тянутся мимо его дома вереницы жаждущих земляков, навьюченных бидонами, флягами и кастрюлями.

— Ну и чего, чего вы тут все, а? — бросал время от времени младший Сериков риторический вопрос в хвост очереди, переминавшейся с ноги на ногу рядом с его крыльцом.

— Да на святой родник стоим вот, касатик, — радостно ответствовали ему бабки в цветастых пуховых платках и в кожаных калошах на толстый носок.

— К Иванычу мы, — хрипели краснолицые перегаристые мужики в распахнутых бушлатах. — За водой, значит, пришли за святой,

— Ну вы и деревня! Кто ж вам сказал, что она святая? — пыхтя сигареткой, снисходительно улыбался Василий, демонстрируя изрядную осведомленность в церковных вопросах. — Вода, к вашему сведению, становится святой исключительно после определенного ритуального на нее воздействия, в результате освящения, проще говоря. А без того это вода как вода — aqua vulgaris, так сказать. «Всякий, пьющий воду сию, возраждет опять». И что самое главное, около источника со святой водой всегда должна стоять купель с крестом. А у вас тут что? Без купели какой же это источник? Так, баловство только.

— Тебе видней, внучек, — кивали бабки и, гремя бидонами, потихоньку продвигались вперед. — Ты ж наукам учен.

— Не знаем, как там насчет креста, но от перелома башки водица с утра здорово помогает, — со знанием дела делились информацией алкоголики. — От этой от ин... эн... от тоскикации, проще говоря, — добавляли они, стараясь не ударить в грязь лицом перед ученым Василием. — Даже опохмел не нужен. Экономия.

— Эх вы — тоскикация. Понимали б чего. Вот поставлю как тут купель с крестом, тогда сами разницу увидите.

— Ишь какой внучок у Петьки-то деловой вырос, — пускали слезу бабки, — а заботливый какой. Ну весь в деда. Был бы жив старый, ох бы порадовался.

— Молоток парень, — говорили алкаши и стреляли у Васи сигаретку.

И тогда внук с энтузиазмом принялся за реконструкцию Ивана Иваныча.

Вырыл он купель три на три, а еще вниз метра на два, выложил камнем, плиткой подходы устлал. Рядом с купелью водрузил большой деревянный поклонный крест. Отец Митрофан отслужил, как положено, водосвятный молебен. После посидели они, естественно, закусили чем бог послал и заодно приняли законченный строительством объект, трижды окунувшись в него с головой, в четком соответствии с православной традицией. Впрочем, не это суть важно, по большому счету.

Главное, что наконец-то стало все у Ивана Иваныча чин чином: крест, купель, святость.

Единственное, что смущало Василия, так это то, что все Лукашкино у него на участке плещется. А участок — частная собственность, между прочим. Ну и кому, скажите, понравится, когда под его окнами целый день кто-то отирается да галдит, а-то и насвинячить норовит еще.

«И что мне делать-то теперь прикажете? — расстроено думал Вася. — Бычки, что ли, с пробками за всеми подбирать?»

Тут он слегка покривил душой, конечно. По правде говоря, подбирать мусор Василию не за всеми приходилось. Все-таки на родник в массе своей люди приличные приходили и сознательные. Однако на сотню, ну хорошо, пусть на десяток ответственных граждан обязательно находился какой-нибудь свинорыл, которому хоть кол на голове теши.

«И ладно бы на месте родника только канава, как раньше, была, — продолжал кручиниться Василий, — так нет же, теперь там крест, купель, святость. А еще новая плитка, керамика и уличное освещение. Во все это фонды немереные вложены, причем из личного, что немаловажно, бюджета...»

Подобные мысли в конце концов совершенно извели нового хозяина, с лица спал даже.

— «Не давайте святыни псам», — отчаянно изрек как-то набожный Василий и, поднатужившись, вытащил из штатного места потемневший от времени кол с дедовым указателем «Источник здесь».

А так как односельчане, не разгадав этот прозрачный намек, все равно продолжали отираться, галдеть и оставлять бычки, то уже через неделю сериковские владения окружал глухой забор из профнастила, по внутреннему периметру которого с удовольствием бегала собака.

Данное обстоятельство несколько озадачило селян, потому как у дяди Пети забора отродясь не водилось.

— Это как же мы теперь за водой ходить будем, милоч? — удивленно интересовались у Василия соседи.

— А никак! — лениво отвечал он им. — Ройте сами у себя родники на здоровье, вкладывайтесь в их оборудование, как я, и будет вам счастье... «Ибо трудящийся достоин награды за труды свои...»

Но даже несмотря на такое недвусмысленное «атанде», народ не оставлял надежд на возобновление поставок продукции от Ивана Ивановича.

— А вот Петя, — стучались к внуку в ворота старушки, — Царствие ему Небесное, так безобразно не поступал. Никому не отказывал.

— Ох, точно. Он сейчас в гробу, глядя на внучонка на своего, переворачивается.

— Дед мой не вкладывался в купель, как я, — спокойно возражал им на это новый хозяин. — А вы вообще знаете, что-такое частная собственность, слышали про износ основных средств хоть, про амортизацию, проще говоря?

— И знать не хотим, и слышать не желаем, куркуль. Дай пройти лучше, пузан.

— «Не все вмещают слово сие, но кому дано...» — безразлично пожимал плечами набожный Василий и захлопывал перед прохожими ворота.

Чтобы раз и навсегда покончить с этими бесплодными разговорами, он повесил прямо на забор табличку «Святой источник. Вход сто рублей».

После чего рядом с его воротами, как по команде, стало тихо и спокойно, даже мимо народ перестал ходить. Только однажды какой-то алкоголик намалевал на Васином объявлении предмет, отдаленно напоминающий кукурузный початок.

Однако призрачное спокойствие заканчивалось, стоило только Василию оказаться за пределами своего забора.

— Куркуль, черт пузатый, — только и слышал он в свой адрес от селян, где бы он ни появился — в магазине ли, на улице, в церкви.

А старушки смачно плевали ему вслед.

— «Не судите, да не судимы будете...» — вяло огрызался набожный Василий, стараясь ровнее держать спину.

— Шагай, да оглядывайся, — шипели Васе вслед алкоголики. Каждый раз проходя мимо остановки или пункта приема стеклотары, он спиной ощущал их неприязненные взгляды. Но не отвечал, потому что «взявшие меч мечом погибнут».

«Никакой пророк не принимается в своем отечестве», — грустно думал набожный Василий».

Потихоньку наступило лето. Василий приезжал на дачу только на выходные — развешаться, пошашлычить, искупаться в источнике.

Он уже и думать забыл про эту историю с родником, когда жарким июльским днем в ворота к нему вдруг робко постучали.

— Простите, а как пройти к Ивану Николаевичу? — уточнил у него приятный, но усталый женский голос.

— Не знаю, — не слишком любезно ответил Василий, — нет тут никаких Николаевичей.

— К Ивановичу, я хотела сказать к Ивановичу, — испуганно поправилась женщина.

— И Ивановичей нет.

— А дядя Петя есть хоть?

— И дяди Пети тоже нет, на Святки еще схоронили.

— Надо ж, беда-то какая. — женщина достала платочек и промокнула один глаз, — Царствие ему Небесное. Хороший человек был дядя Петя, большой души. Водичку вон всегда нам давал...

«Так во-от, значит, какой им Иванович понадобился. Опя-ять они, значит, за свое. Знали б только, как достала меня их водичка».

— Опоздали, гражданка, закончилась лавочка, — отрезал Василий раздраженно. — Нету больше воды для вас. Кончилась. Аминь.

После чего набожный Василий перекрестился — и выдал цитату дня, наиболее, на его взгляд, уместную в данной связи: — «Ибо, кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет».

— Ох жалость-то какая, а то ж я из райцентра к вам...

— Мне-то с того что? — поморщился Василий оттого, что в животе у него вдруг сильно зыграло.

— Дорога уж больно сюда кусается, — опустив глаза, печально пояснила гостья, — два автобуса по сорок рублей да паром. И куда ж мне теперь без водички, а? У мужа как только почечные колики начинаются, так сразу сюда меня шлет, к Ивану Ивановичу. Попьет водички денек-другой, а там его и отпускает.

— Ничем не могу помочь, дамочка, кончилась вода... будьте здоровы, — торопливо закруглил разговор Василий, снова ощутив в животе неприятное урчание.

«Это все он, угорь копченый, наверное. Нельзя было его столько жрать, да к тому же еще недельной свежести».

Дома он, ощущая чрезвычайную тяжесть во чреве, задумал окропиться Иваном Ивановичем для профилактики (мало ли вдруг) кишечной инфекции.

«Береженого Бог бережет», — здраво рассудил Василий и стал снимать портки.

Через минуту он, хлопнув себя по рыхлым ляжкам, с визгом наслаждения уже сигал в купель. Радостный его визг в мгновение ока превратился в какое-то хлюпанье, а затем и в хриплый рев. Потому как упитанная, точно у моржа, харя мужчины со всего маху врзалась, вопреки его ожиданиям, не в прохладные воды купели, а в придонный слой гравия, подняв со дна всю муть, которая там находилась.

Спустя минуту он наконец обрел возможность рассуждать.

— Диверсия? — хрипло выдохнул Василий, стоя в воде по щиколотку. — Алкоголики местные совсем распоясались, черти-шпана. Мстители неуловимые. От этих нехристей всего можно ожидать. Законопатели, верно, трубу, и вся недолга. Интересно, как им это только удалось? Забор все-таки, ротвейлер.

Василий тяжело помотал головой и, покачиваясь, как от хорошего бодуна, пошел инспектировать исток.

Ан нет, конструкция оказалась в целости и сохранности. И одетая в гранит подпорная стенка, и керамический желоб, по которому едва-едва сочилась влага, так необходимая ему минуту назад в нижней купели.

— Черт знает что происходит, — сказал бедолага, потирая распухший нос. — Вчера ж еще лило как из ведра. Оползень, наверное. Дожди-то вон какие всю неделю рядят.

«...И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот, и он упал, и было падение его великое...»

Несмотря на свое сумеречное состояние, Василий не смог удержаться от того, чтобы не разрешиться очередным евангельским изречением.

На следующий день у Ивана Ивановича уже вовсю суетились мастера, которые разобрали гранит и провели профилактические работы по дноуглублению и дренажу коллектора. Они то и дело произносили умные слова, задумчиво цокали языками и копали, копали, копали... Предпринятые меры, однако, ожидаемого результата не принесли. Вода ушла от Василия, по-видимому, безвозвратно.

— «Се остается дом ваш пуст», — подвел печальное резюме Василий. — Жалко расходов, конечно. Эх, знать бы сразу. А то вон как на купель раскошелиться пришлось, и в крест из мореного дуба еще десятку ухнул, керамика, опять же, итальянская. Только куда деваться. Природа с ума не только на моем участке сходит. Тигр с Евфратом тоже обмелели, Днепр, слышал, в чем душа теперь, от По в Италии ничего уже не осталось. К тридцатому году так вообще всемирный дефицит воды обещают. Апокалипсис...

Насчет всемирной катастрофы Василий, скорее всего, попал в самую точку, а вот Иван Иванович, как оказалось, лукашкинцев покидать пока не собирался.

Его студеное дыхание обнаружили на Ильин день метрах в пятидесяти от забора Василия Серикова, чуть левее по склону, причем появился он так же неожиданно, как и ушел. Выбился в одночасье из недр земных и потек своей дорогой в обход Сериковых владений, сначала куда-то в овраги, затем в притоки, потом в матушку-Волгу и, наконец, в Каспийское море. В общем, все стало, как и раньше, за одним только небольшим исключением. Звали родник теперь на деревне не Иван Иванович, а — Иван Петрович. И это название имело более разумное объяснение.

Уже на следующий день рядом с Иваном Петровичем стояла сучковатая палка, вбитая в землю заботливыми руками селян, на которой висели металлическая солдатская кружка и ковш...